

Припадок Кэ Цзиня случился настолько внезапно, что Лок и другие стажеры, видевшие подобное впервые, впали в ступор. Они застыли на месте, совершенно не понимая, что делать.

Зато Гу Янь и его однокурсники отреагировали мгновенно — для них это явно было не в новинку. Кто-то перехватил Кэ Цзиня за плечи, кто-то потянул назад, а один из парней ладонью прикрыл его лоб, не давая биться о надгробие. Но Кэ Цзинь ничего не замечал. Уйдя в себя, он продолжал упрямо колотиться головой об удерживающую его руку, непрерывно, словно заклинание, шепча бессвязные слова.

— Всё хорошо, всё уже позади, — Лора тихонько гладила его по спине, пытаясь успокоить. — Всё прошло. Слышишь? Всё позади, ты ни в чём не виноват.

— Что происходит? — растерянно прошептал Лок. — Что с ним?..

— Ой, — тихо ахнула Филида. — Кажется, я вспомнила. Ходили слухи, что один из наших старших выпускников лишился рассудка из-за какого-то судебного дела...

В своё время история Кэ Цзиня наделала много шума в юридических кругах. До этого срыва он считался одним из самых перспективных молодых адвокатов и успел заработать блестящую репутацию. Коллеги отзывались о нём по-разному. Одни ценили его за невероятную преданность делу, мягкий характер и видели в нём как верного друга, так и опасного соперника. Другие, напротив, качали головами и утверждали, что он «слишком вживается в роль» — мол, Кэ Цзинь чересчур сентиментален, принимает проблемы клиентов и жертв близко к сердцу, а с таким багажом в адвокатуре долго не протянешь.

Подобные суждения высказывались ещё в его студенческие годы. Тогда Кэ Цзинь только поступил в университет, сохранив юношескую застенчивость и растерянность перед будущим. Задетый этими разговорами, он однажды пришёл посоветоваться с Янь Суйчжи.

— На самом деле это редкий, драгоценный дар, — спокойно произнёс тогда Янь Суйчжи, глядя на него глубоким, пронизательным взглядом. — Ты добр. И если когда-нибудь твоя доброта приведёт к разладу с миром или навлечёт на тебя неприятности, помни: виной тому будет точно не твоё доброе сердце.

— Но, профессор... — Кэ Цзинь, сидевший на мягком гостевом диване в кабинете декана, робко отхлебнул из чашки предложенный Янь Суйчжи чай. — Вы ведь наверняка помните те слова с форзаца «Вне закона»? О том, что наша профессия — это по большей части сделки с дьяволом в самом пекле преисподней.

— Разумеется, помню. Но это вовсе не означает, что ты обязан сам становиться чертом, — Янь Суйчжи изогнул бровь и со звоном опустил чайную ложечку на блюдце. — Тебе нужно досконально изучить их образ мыслей, но перенимать его нет никакой нужды. Возможно, со временем ты перестанешь походить на классического праведника, но главное — ты сам будешь знать, что никогда не придёшь к их черте.

Юности свойственно быстро впадать в уныние, но столь же легко она откликается на поддержку. Кэ Цзинь заметно повеселел, словно с его плеч свалилась невидимая тяжесть. Сделав ещё несколько глотков, он негромко спросил:

— Значит, вы считаете, что я подхожу для этой работы?

Янь Суйчжи не стал отвечать прямо. Вместо этого он спросил:

— А ты сам этого хочешь?

— Хочу, — кивнул Кэ Цзинь.

— У тебя есть какая-то цель? Идея, ради которой ты выбрал этот путь?

— Есть.

— Ну так иди и воплоти её, — с мягкой улыбкой подытожил Янь Суйчжи.

Кэ Цзинь бережно сжал чашку обеими руками и впервые за всё время разговора тепло, открыто улыбнулся.

Под самый занавес их беседы в кабинет заглянул Гу Янь — ему нужно было подписать у декана какие-то учебные ведомости. В те годы Кэ Цзинь отличался крайней застенчивостью и не любил откровенничать при посторонних. Стоило войти Гу Яню, как он вежливо кивнул и поспешил откланяться.

Однако перемены в нём были очевидны: с того самого дня он обрёл внутренний стержень и больше не позволял сомнениям грызть себя. Возможно, именно эта короткая беседа за чашкой чая давала ему силы не бросать адвокатуру долгие годы после выпуска.

Легко рассуждать о высоких идеалах в тишине профессорского кабинета, но в реальной жизни всё оказывается куда сложнее. Психика человека — хрупкий инструмент, а эмоциями управлять невероятно трудно. Для таких чутких, восприимчивых людей, как Кэ Цзинь, любая трещина в вере в собственное дело становится катастрофой. Стоило его идеалам пошатнуться хотя бы на миг, как его внутренний мир превратился в поле ожесточенной ментальной битвы.

Всё началось два года назад с одного судебного процесса. Собранные улики и нестыковки в обвинении убедили Кэ Цзиня в абсолютной невинности подзащитного. Тот разыгрывал карту несчастной жертвы обстоятельств, случайно угодившей в чужой грязный капкан, и Кэ Цзинь стал для него единственной соломинкой. Адвокат выстроил безупречную линию защиты, добившись оправдательного приговора, — присяжные единогласно поддержали его позицию.

Мысль о том, что он спас невинную душу от судейского произвола, окрыляла мягкосердечного Кэ Цзиня несколько недель. А спустя три месяца он случайно наткнулся на новые обстоятельства дела. Кошмарные, неопровержимые следы доказали, что он совершил роковую ошибку. Его клиент оказался не просто виновен — он был во сто крат опаснее и коварнее, чем пыталось представить обвинение. Но когда Кэ Цзинь бросился к властям с новыми уликами, след преступника уже простыл. Тот скрылся в неизвестном направлении и до сих пор находился в бегах.

Циничные юристы, давно привыкшие панибратствовать с дьяволом, лишь досадливо поморщились бы в такой ситуации. Они бы быстро сориентировались, замели следы ради спасения репутации и как ни в чём не бывало вернулись к многомиллионным гонорарам и блестящим светским раутам. Для них эта осечка превратилась бы в пикантную байку, которую можно со смешком травить коллегам под бокал дорогого виски.

Но Кэ Цзинь был вылеплен из другого теста. Совесть не позволила ему отмахнуться от произошедшего. Он изо дня в день изводил себя из-за рокового просчёта, погружаясь в беспросветную пучину самобичевания и не находя покоя ни днём, ни ночью.

Реальность оказалась куда беспощаднее. Два месяца удушающей депрессии, бессильной злобы на себя и непреходящего чувства вины сломали его разум. Поначалу болезнь протекала относительно мягко, но в один злосчастный день состояние Кэ Цзиня резко ухудшилось. Что именно послужило катализатором, никто точно не знал. Шептались, будто беглый преступник Ли Коннор прислал своему спасителю издевательское благодарственное письмо. Этот изощрённый глум и стал той самой последней соломинкой, что окончательно сломала хребет измученному рассудку адвоката.

После острого срыва Кэ Цзинь провёл в психиатрической клинике всего неделю, а затем его забрал близкий друг, увёз подальше от любопытных глаз. Адвокат надолго пропал из виду, и лишь последние полгода, когда его разум немного прояснился, начал изредка показываться на людях.

Янь Суйчжи смутно помнил этого спасителя. В университетские годы у Гу Яня и Кэ Цзиня, помимо приехавших сегодня однокашников, был ещё один близкий приятель. Он учился не на юридическом, а на соседнем факультете бизнеса — богатенький бездельник и прожигатель жизни по имени Джо. Окружающие частенько недоумевали, как такого сурового и правильного человека, как Гу Янь, угораздило свести дружбу с этим повесой. Уж слишком они не подходили друг другу. Профессор Янь тоже не знал разгадки этого феномена, да и никогда не пытался её найти. Впрочем, в те редкие разы, когда их пути пересекались, этот жизнерадостный мажор успел прочно занять место в мысленном словаре Янь Суйчжи под ёмким определением «славный дурачок».

Стоило Филиде упомянуть об этом, как остальные стажёры мигом всё вспомнили. К их чести, ребята понимали, где находятся, и не стали разводить неуместные сплетни на погосте. Перебросившись парой сочувственных фраз, они поспешили на помощь однокурсникам Гу Яня.

Янь Суйчжи оттолкнулся от ствола дерева и быстрым шагом направился к суевающейся толпе.

От его привычной беззаботной полуулыбки не осталось и следа. С тех пор как до него дошли известия о трагедии Кэ Цзиня, он раз за разом мысленно возвращался к тому их разговору в кабинете декана. Он не испытывал раскаяния за сказанное — Янь Суйчжи вообще никогда ни о чём всерьёз не жалел. И всё же в глубине души скреблось глухое чувство вины: тогда, увлечённый поддержкой запутавшегося юноши, он забыл предостеречь его от опасностей слепой веры в людей.

— Помощь нужна? — спросил Янь Суйчжи, подойдя ближе.

— Нет-нет, спасибо, мы справимся, не впервой, — отозвался один из парней.

Друзья плотным кольцом обступили Кэ Цзиня, непрерывно нашептывая успокаивающие слова. Посторонним здесь и впрямь ловить было нечего — любое вмешательство незнакомцев могло лишь усугубить панику больного.

Однако за пределами этого суетливого круга остался ещё кое-кто.

Этим человеком был Гу Янь.

Утешать и нянчиться Гу Янь не умел по определению, однако и безучастно взирать на происходящее не стал. Отойдя чуть в сторону, он деловито вызвал кого-то по видеосвязи. На том конце ответили почти мгновенно. Мазнув взглядом по мечущемуся Кэ Цзиню, адвокат, не давая собеседнику вставить ни слова, отчеканил:

— Кэ Цзинь сорвался. Включаю голографическую трансляцию.

В ту же секунду над его смарт-браслетом развернулся мерцающий голографический экран. Из него на присутствующих уставился молодой парень с вызывающе уложенной воском челкой золотистых волос. Янь Суйчжи не требовалось даже всматриваться в черты лица — одного этого пижонского стиля хватало, чтобы безошибочно узнать Джо Эверса.

Гу Янь развернул экран прямо перед лицом беснующегося Кэ Цзиня. Из динамика донёсся бодрый, звучный голос Джо:

— Тс-с, тише, дружище. Ну-ка посмотри на меня. Кэ Цзинь, глаза на меня! Всё в порядке, ничего не случилось. Я же говорил тебе не соваться одному! А ты взял и тайком удрал в Декаму, стоило мне на пару дней отлучиться. И вот результат — опять расклеился. Что ты, что Гу — два невыносимых сухаря, вам обоим жизненно необходим кто-то, кто вовремя будет выковыривать вас из ваших панцирей...

Метод Джо разительно отличался от уговоров однокурсников. В его интонациях не было ни капли той приторной бережности, с которой обычно сюсюкают с душевнобольными. Он болтал легко и непринуждённо, разбавляя монолог комичным ворчанием, словно они просто сидели в

баре за кружкой пива. Спустя минуту эта терапия подействовала. Кэ Цзинь замер, перестал упрямо бодать ладонь однокашника и медленно, с заметным усилием сфокусировал блуждающий взор на голограмме. Ещё мгновение — и его взгляд окончательно прояснился.

Заметив обратную связь, Джо понял, что приступ миновал. Облегчённо выдохнув, он бросил быстрый взгляд на Гу Яня. Тот без лишних слов придвинул проекцию ещё ближе к лицу Кэ Цзиня, а державшая бедолагу компания осторожно ослабила хватку.

—... И да, держу в курсе: я уже на межзвездном челноке, через двадцать минут приземляюсь в космопорту Декамы.

Кэ Цзинь долго молчал. Наконец на его бледном лице отразилась тень понимания, он медленно перевёл взгляд на жестикулирующего Джо, хотя в глазах всё ещё читалась лёгкая прострация.

— И зачем тебя принесло в Декаму в такой час? — сухо осведомился стоящий рядом Гу Янь.

Джо ответил не сразу. Сначала он придирчиво осмотрел Кэ Цзиня и, лишь убедившись, что тот окончательно пришёл в себя, весело подмигнул ему и повернулся к Гу Яню:

— А у меня был выбор? У тебя вечный цейтнот, Кэ Цзинь улетел без спросу, а Лора со всей честной компанией оказались его сообщниками! Меня, организатора грандиозной вечеринки, бросили одного на острове Яба! И что мне оставалось делать? Конечно, лететь за вами и лично конвоировать обратно.

Спустя сорок минут этот взбалмошный наследник многомиллионного состояния уже мчался из частного терминала Декамы напрямик к кладбищу. Где-то по пути молодой сибарит умудрился раздобыть личного врача. Кэ Цзиня бережно устроили в просторном жилом автофургоне, а следом Джо бесцеремонно загнал в салон всю университетскую компанию, включая Гу Яня. Тот даже не пытался спорить — уговор есть уговор, адвокат заранее пообещал освободить третье число для этой поездки.

Кэ Цзинь сидел в глубине роскошного салона, безучастно глядя в окно. Стекло оставили опущенным, чтобы открытое пространство помогало ему бороться с приступами удушья. Он медленно обвёл затуманенным взором кованые ворота кладбища, переплетённые плющом стены и внезапно замер, уставившись на стоявшего у обочины Янь Суйчжи.

Янь Суйчжи смотрел на него в ответ, лишь мгновение спустя заметив своё отражение в полированном борту машины: его брови были хмуро сведены к переносице. Профессор тут же расслабил лицо и попытался отвернуться, но столкнулся взглядом с Гу Янем.

Тот замер на подножке фургона. На его лице отразилось мимолётное колебание. Помедлив пару секунд, он коснулся плеча Джо и негромко произнёс:

— Мне нужно обсудить одно дело.

<http://bllate.org/book/18278/1751057>